

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_116

Планируемая непрямая коммуникация как способ программирования интерпретации смыслов в американском политическом дискурсе (на материале инаугурационных речей президентов США)

А. Е. Устьянцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val_88@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена непрямым коммуникативным стратегиям, требующим последующей интерпретации, в инаугурационных речах президентов США XXI в. Процесс интерпретации, являясь задачей адресата, становится действием сотворчества и приобретает стратегический характер в американском политическом дискурсе. Когнитивно-интерпретативный подход к рассмотрению средств не прямой коммуникации позволил определить, что в данном случае они используются как прием программирования интерпретации слушающего в нужном для адресанта направлении.

Ключевые слова: не прямая коммуникация, планируемая не прямая коммуникация, коммуникативная стратегия, интерпретация, суггестивность, инференция, политический дискурс, американский политический дискурс, инаугурационная речь

Для цитирования: Устьянцева А. Е. Планируемая не прямая коммуникация как способ программирования интерпретации смыслов в американском политическом дискурсе (на материале инаугурационных речей президентов США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (876). С. 116–122. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_116

Original article

Planned Indirect Communication as a Way of Programming Interpretation of Meanings in American Political Discourse (based on the inaugural speeches of US presidents)

Anastasia E. Ustyantseva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val_88@bk.ru

Abstract. The article is devoted to indirect communication strategies that require further interpretation of the inaugural addresses of the US presidents of the 21st century. Being the task of the recipient, the process of interpretation becomes an act of co-creation and adopts a strategic role in American political discourse. The cognitive-interpretive approach to the investigation into indirect communication means allowed us to determine that they are used as a method of programming the recipient's interpretation in the way necessary for the author.

Keywords: indirect communication, planned indirect communication, communicative strategy, interpretation, suggestiveness, inference, political discourse, American political discourse, inaugural address

For citation: Ustyantseva, A. E. (2023). Planned Indirect Communication as a Way of Programming Interpretation of Meanings in American Political Discourse (based on the inaugural speeches of US presidents). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 116–122. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_116

ВВЕДЕНИЕ

В современной когнитивно-функциональной парадигме наряду с ментальными процессами, связью языка и мыслительной деятельностью человека также исследуется результат этой деятельности и процессов – речь, общение, или коммуникация. Язык используется в качестве инструмента общения для реализации коммуникативных и прагматических интенций на протяжении уже многих тысячелетий.

Иногда у говорящего возникает потребность расширить коммуникативное пространство и отойти от прямого изложения своих намерений или фактов действительности, прибегнув к иному стилю общения – косвенному, или непрямому, что не всегда может определяться конкретными стилистическими, лексическими или грамматическими приемами или средствами, так как эта система открыта и подвижна. К сфере интересов современных лингвистов относятся изучение и анализ скрытых интенций коммуникантов, тактик и стратегий, направленных на осуществление эффективной коммуникации.

В настоящее время исследование не прямой коммуникации в политическом дискурсе приобретает всё большую актуальность. Это связано с тем, что многие политики намеренно используют тактики не прямой коммуникации, чтобы достичь определенных коммуникативных целей, не заявляя о них открыто. Эти тактики могут принимать форму метафор, иронии, сарказма и других лингвистических средств, которые могут быть трудны для понимания для тех, кто не знаком с культурными и политическими контекстами.

Важность изучения не прямой коммуникации в политическом дискурсе объясняется следующим: во-первых, это может способствовать лучшему пониманию сути сообщений политиков и разоблачать скрытые мотивы и цели, а также предотвращать недоразумения, связанные с неправильным пониманием выступлений политиков. Во-вторых, средства не прямой коммуникации могут быть рассмотрены как способы осмысления мира и вербализация опыта определенного социума. В-третьих, изучение не прямой коммуникации позволяет более эффективно анализировать и интерпретировать политические процессы и решения.

Данная научная статья обзорно-аналитического плана рассматривает проблему не прямой коммуникации в теоретическом ракурсе с целью разработки методологии исследования, а также содержит размышления автора о значимости феномена планируемой не прямой коммуникации при интерпретации смыслов, заложенных в инаугурационных речах президентов США XXI в.,

и понимании принципов формирования и действия не прямых коммуникативных единиц в американском политическом дискурсе.

Задача исследования, представленного в настоящей научной статье аналитического плана, заключается в выявлении и описании параметров функционирования средств планируемой не прямой коммуникации с применением не только традиционного лингвостилистического анализа, но и посредством когнитивно-интерпретативного подхода.

ВИДЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Исследуя феномен не прямой коммуникации (НК), В. В. Дементьев пишет, что «не прямая коммуникация представляет собой содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 3]. Он также рассуждает о ее целях, функциях, аспектах и моделях. Так, автор пишет о том, что не прямая коммуникация зачастую бывает планируемая и включает в себя рассмотрение проблем непристойности, социолингвистические и психоллингвистические факторы, не прямое сообщение и воздействие, не прямое общение, культурологический аспект. Среди актуальных проблем, которыми занимается современная лингвистика в рамках междисциплинарного подхода, он выделяет языковую игру, эстетическую коммуникацию и креативную функцию, что только подтверждает и преумножает актуальность изучения теории НК, так как это «лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками» [Шаховский, Ионова, 2004, с. 381–382].

Стоит отметить также принципиально разные подходы к рассмотрению НК в отечественной и западной лингвистике. В то время как современная западная дискурсология, прагматика, когнитивистика и коммуникативистика фокусируются на решении коммуникативных неудач, возникающих как следствие применения средств НК, и на повышении эффективности коммуникации, то современная отечественная лингвистика ставит своей целью изучение перлокутивных эффектов НК, способы применения тактик НК. Тем не менее, западная и отечественная традиции совпадают в том, что центральным считается расшифровывание скрытых смыслов, которые не читаются в буквальном значении слов в высказывании.

Поскольку явление НК многоплановое, то в различных научных дисциплинах его можно

обнаружить под разными терминами: отгораживание, имплицитность, импликация, тропы, эвфемизмы, косвенные речевые акты, вторичная номинации, неявное говорение и др. [Дементьев, 2006]. Именно из-за ее многогранности и неоднородности, НК тяжело отнести к какой-либо конкретной сфере языка или назвать, какая именно дисциплина лингвистики ей занимается. Известно только то, что непрямая коммуникация относится к языку в целом, а также то, что систематизация разновидностей ее моделей пока не осуществлялась полноценно и комплексно. Именно поэтому необходимо прибегнуть к междисциплинарному подходу при рассмотрении феномена не прямой коммуникации и средств ее реализации, так как это предполагает анализ не только лингвистических составляющих, но и социальных, культурных, психологических и прочих экстралингвистических факторов.

Благодаря теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, которая в свою очередь опиралась на теорию речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и Г. П. Грайса, язык стал пониматься как когнитивно-коммуникативная деятельность. Развитие прагмалингвистики положило начало школе не прямой коммуникации. «Термин «непрямая коммуникация» включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев, 2006, с. 5].

Стремление лингвистов всегда было направлено на изучение эффекта, которого старается достичь говорящий (оратор, политик и др.), или того, что каким-либо образом цепляет адресата. Именно поэтому семиотическая интерпретация приобрела особую значимость при работе со средствами реализации НК. Одним из важнейших теоретических достижений в сфере семиотических исследований теории НК стала работа В. И. Карасика, в которой он отмечает, что фасцинация занимает ключевую позицию в интерпретации смысла предложения [Карасик, 2002]. Данная языковая категория обозначает, что фокус делается не на том, что содержит высказывание, а на том, как именно выражено и передано это содержание. Таким образом, адресат почувствует в процессе коммуникации творчески. Так как этот аспект может регулироваться, то принято говорить о планируемой и непланируемой НК. Непланируемая НК «понимается как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего, наконец, вследствие обращения к языку, насквозь пронизанному НК», в то время как «планируемая НК используется сознательно, как прием, имеющий

целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта» [Дементьев, 2006, с. 142].

А. В. Олянич пишет, что феномен НК более всего привлекателен как способ косвенного воздействия: «Эффективность воздействия в рамках социальной коммуникации во многом зависит от того, насколько яркие и суггестивно мощны средства и способы такого воздействия, насколько убедителен воздействующий при осуществлении самопрезентации» [Олянич, 2004, с. 288].

Нами было принято решение сфокусироваться на планируемой НК, так как это одна из ключевых суггестивных тактик американского политического дискурса, направленных на наиболее успешное достижение коммуникативных задач и осуществление намерений авторов речи или текста. Н. О. Верещагина и Э. В. Булатова в своих работах предлагают классификацию средств реализации планируемой НК с точки зрения целей и скрытых смыслов, зашифрованных адресантом в сообщении. Планируемая НК может выступать как способы:

- 1) передачи имплицитного содержания (импликации, пресуппозиции, эллиптические или неполные предложения);
- 2) этикетизации речи (эвфемизмы, косвенные речевые акты);
- 3) речевой агрессии (ирония);
- 4) создания выразительности речи (языковая игра, тропы, образные средства) [Верещагина, Булатова, 2014; Булатова, 2005].

ОСОБЕННОСТИ НК В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время политический дискурс становится все более значимым, так как жизнь в современном обществе невозможно представить без политики. Растущий интерес к языку политики можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, это связано с внутренними потребностями лингвистической теории, которая исследует различные аспекты языка, используемого в политических дискурсах. Во-вторых, это вызвано необходимостью разграничения политической коммуникации и манипулятивных приемов, которые могут использоваться в политическом дискурсе. В-третьих, существует потребность в разработке методов анализа политических текстов для более эффективного понимания коммуникативных стратегий политических лидеров и процессов, происходящих в обществе. В целом изучение языка политики имеет большое значение для понимания современных политических процессов и анализа их эффективности.

Когнитивная лингвистика исследует политический дискурс как продукт ментальных процессов, который включает в себя знания и представления о политике или политической идеологии. Т. А. ван Дейк считает, что институциональность является основным признаком политического дискурса, так как политический дискурс ограничен социальной сферой и производится в определенной институциональной обстановке [Dijk, 1998]. Нами было принято решение рассматривать политический дискурс в «широком» смысле и не ограничиваться только институциональностью, так как любой политический текст создается в контексте политической ситуации, с учетом личностных качеств автора, его реальных целей или намерений и особенностей восприятия и интерпретации аудитории.

Институциональное взаимодействие включает в себя применение системы специализированных знаков, которые составляют свой собственный подязык (лексику, фразеологию и паремиологию). Учитывая значимость контекста ситуации и культуры, политический дискурс представляет собой такое явление, которое можно определить следующей формулой: дискурс = подязык + текст + контекст [Шейгал, 2000].

При «широком» же подходе политический дискурс является «суммой речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [Герасименко, 1998, с. 22].

В политическом дискурсе язык можно рассматривать как манипулятивное средство, так как он позволяет политикам расширить свои коммуникативные ресурсы посредством умелого обращения со словами, ведь главная коммуникативная функция сконцентрирована в суггестивном воздействии на адресата, которое означает, что преобразование или концептуализация его политической картины мира происходит скрыто и осуществляется без критической оценки методов этого косвенного влияния.

Важно отметить, что планируемая НК в американском политическом дискурсе направлена в первую очередь на формирование у адресата определенного способа интерпретирования заложенных неявных смыслов, выгодного для самого адресанта и его сторонников. Таким образом, для определения подобных скрытых интенций наряду с традиционными методами стилистического анализа В. В. Виноградова и И. Р. Гальперина необходимо обратиться к современным когнитивно-интерпретативным методам рассмотрения материала.

Нами была принята попытка рассмотреть и проанализировать способы программирования интерпретации у адресата, которое осуществляется с помощью средств планируемой не прямой коммуникации в выгодном для адресанта направлении в текстах инаугурационных речей президентов США XXI в.

Реализация аргументации и формирования определенной политической картины мира происходит за счет тропов и образных средств. Такие отступления от нейтрального изложения информации дают возможность автору не только передавать имплицитное содержание, но и сделать речь более выразительной и убедительной с целью эмоционального и эстетического воздействия.

Так, в первом инаугурационном обращении Б. Обамы¹ благодаря использованию метафоры «вызов в политике = природная катастрофа» как средства планируемой НК происходит уподобление политических процессов явлениям природы. Это позволяет подчеркнуть масштабность проблем, воздействовать на эмоциональное состояние аудитории, вызвав страх и ощущение бессилия, а также продемонстрировать бесстрашие президента перед лицом опасности и его готовность вести страну дальше, несмотря ни на какие трудности. Таким образом, происходит формирование положительного имиджа президента как надежного и отважного человека в глазах слушателей и установление доверительных отношений с аудиторией:

Forty-four Americans have now taken the presidential oath. The words have been spoken during **rising tides of prosperity** and the **still waters of peace**. Yet, every so often the oath is taken amidst **gathering clouds and raging storms**.

Идентифицированные в первом инаугурационном обращении Б. Обамы метонимии выполняют схожую функцию увеличения масштаба проблем, установления чувства ужаса и страха за счет активации концепта «голода» и «гибели», тем самым повысив достижения президента, который берется за подобные сложные вызовы:

To the people of poor nations, we pledge to work alongside you to make your farms flourish and let clean waters flow; to nourish **starved bodies** and feed **hungry minds**.

По мнению Д. Кристалла, наряду с рекламным дискурсом, политический также наиболее приспособлен для преувеличения и приукрашивания

¹ Obama B. H. First Inaugural Address. January 20, 2009. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

событий действительности и сокрытию реального положения дел [Crystall, 1995]. Так, многочисленные эпитеты как средство планируемой НК в инаугурационных обращениях Дж. Буша младшего¹, описывающие и признающие ошибки прошлого, подчеркивающие ценности нации, позволяют ему соединиться с аудиторией на эмоциональном уровне, так как при их интерпретации адресат видит принадлежность президента к тому же этносу и стране, что повышает уровень доверия:

...**flawed** and **fallible** people, **grand** and **enduring** ideals, **unfolding** promise, **insignificant** person, **determined** faces of our soldiers, **permanent** hope of mankind.

Эпитеты во втором инаугурационном обращении Б. Обамы² позволяют имплицитно передать одобрительное отношение президента к меньшинствам, иммигрантам и людям любого происхождения, а также помогают создать впечатление, что в этой стране каждый сможет получить то, к чему стремится. Таким образом, в аудитории растёт доверие к президенту:

Our journey is not complete until we find a better way to welcome the **striving, hopeful** immigrants who still see America as a land of opportunity until **bright young** students and engineers are enlisted in our workforce rather than expelled from our country.

Следующее средство планируемой НК, направленное на манипулирование сознанием, – эвфемизация и дисфемизация. Первое направлено на улучшение денотативного значения и убеждение в том, что некоторая ситуация является естественным ходом событий, хоть и сложным, но не требует безотлагательных мер. Так, в первом обращении Б. Обамы понятие «war», которое несет в себе концепты страха, смерти, оружия, разрухи, заменяется на «conflict», что подразумевает лишь затруднительное положение, ссору, но не предполагает лишения людей жизни. Таким образом, это позволяет сместить фокус аудитории от реально проводимой политики в стране на противников и их действия:

To those leaders around the globe who **seek to sow conflict**, or blame their society's ills on the West, know that your people will judge you on what you can build, not what you destroy.

On this day, we gather because we have chosen hope over fear, unity of purpose over **conflict** and discord...

Стратегия дисфемизации же направлена на ухудшение значения денотата, мобилизацию общественного сознания и обозначение своей радикальной позиции по отношению к существующему положению дел, требующему решительных действий. Так, Д. Трамп³ в его инаугурационном обращении имплицитно обозначил свое негативное отношение к иммигрантам и конкурентам на мировом рынке, приняв оборонительную позу по отношению к угрозе, исходящей от них. Такой имидж защитника находит отклик в сердцах многих американцев и сближает президента с аудиторией:

We must protect our borders from the **ravages of other countries** making our products, stealing our companies, and destroying our jobs.

Ирония как форма речевой агрессии является частотным средством НК в политическом дискурсе, что помогает усилить игривый тон заявлений, вызвав негативную реакцию к адресату иронии. Но она несвойственна текстам инаугурационных обращений, так как это противоречит задачам инаугурации и может спровоцировать неверные интерпретации у аудитории.

В своем инаугурационном обращении Д. Трамп обращается к простым людям напрямую, что отделяет его от высокопоставленной элиты и помогает установить доверительную связь с аудиторией. Такого эффекта позволяет достичь лексический повтор, что также придает лозунговый характер и убедительное звучание:

Their **victories** have not been your **victories**. Their **triumphs** have not been your **triumphs**. And while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка рассмотрения лингвистических средств реализации планируемой НК, принципов формирования и действия не прямых коммуникативных единиц в инаугурационных речах президентов США XXI в. позволила заключить следующее:

- НК представляет собой сложную, открытую, неоднородную систему, характеризующуюся многообразием языковых форм, а также

¹ Bush G. W. First Inaugural Address. January 20, 2001. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>;
Bush G. W. Second Inaugural Address. January 20, 2005. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

² Obama B. H. Second Inaugural Address. January 20, 2013. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

³ Trump D. Inaugural Address. January 20, 2017. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/01/politics/words-from-the-past/>

когнитивными, прагматическими и лингвокультурными установками, требующими дальнейшей интерпретации.

- НК работает как способ передачи имплицитного содержания, этикетизации речи, выражения агрессии и создания выразительности в политическом дискурсе.
- Суггестивный компонент – неотъемлемая черта планируемой НК в американском

политическом дискурсе, который позволяет отключить критическую оценку получаемой информации у аудитории.

- При интерпретации утверждений с использованием средств реализации планируемой НК задействуется процесс инференции знаний, что создает положительное впечатление и ощущение правильности получаемой информации у адресата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
2. Шаховский В. И., Ионова С. В. *Stylistika*. 2004. № 13. Р. 372–383. Рецензия на книгу: Прямая и непрякая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. Саратов: Колледж, 2003.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004.
5. Верещагина Н. О., Булатова Э. В. Языковые средства непрякой коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2014. № 4 (132). С. 19–28.
6. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
7. Dijk T. A. van. What is political discourse analysis? // *Political linguistics* / ed. J. Blommaert, C. Bulcaen. Amsterdam, 1998. P. 34–35.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) // *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. Москва, 29 марта 1998 года / под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 20–23.
10. Crystall D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

REFERENCES

1. Dementev, V. V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* = Indirect communication. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Shakhovskiy, V. I., Ionova, S. V. (2004). Review on the book: Dementev, V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya*. Saratov: College, 2003. *Stylistika*, 13, 372–383. (In Russ.)
3. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
4. Olyanich, A. V. (2004). *Presentatsionnaya teoriya diskursa* = Presentational discourse theory. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
5. Vereshchagina, N. O., Bulatova, E. V. (2014). Indirect Communication Linguistic Means in the Dm. Sokolov-Mitrich's Media Texts. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in education, science and culture*, 4(132), 19–28. (In Russ.)
6. Bulatova, E. V. (2005). *Pryamaya i kosvennaya kommunikatsiya v sovremennoy rossiyskoy pechatnoy reklame* = Direct and indirect communication in modern Russian printed advertisements: PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
7. Dijk, T. A. van. (1998). What is political discourse analysis? In Blommaert, J., Bulcaen, C. (eds.), *Political linguistics* (pp. 34–35). Amsterdam.
8. Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* = Semiotics of political discourse: Senior Doctorate in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Gerasimenko, N. A. (1998). *Informatsiya i fastsinatsiya v politicheskom diskurse (k voprosu o funktsionirovaniy bishubstantivnykh predlozheniy)* = Information and fascination in political discourse (the issue of functions of bisubstantial sentences). In Sorokin, Yu. A., Bazylev, V. N. (eds.), *Political discourse in Russia – 2* (pp. 20–23): materials of the workshop, Moscow, 29 March 1998. Moscow: Dialog-MGU. (In Russ.)
10. Crystall, D. (1995). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устьянцева Анастасия Евгеньевна

аспирант кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

преподаватель кафедры второго иностранного языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustyantseva Anastasia Evgenievna

PhD Student, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language

Lecturer, Department of the Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.06.2023	
	22.06.2023	